

АПОСТОЛ ДНЯ. (РИМ 15,1-7):

1 Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать.

2 Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию.

3 Ибо и Христос не Себе угождал, но, как написано: злословия злословящих Тебя пали на Меня.

4 А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду.

5 Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса,

6 дабы вы единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.

7 Посему принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию.

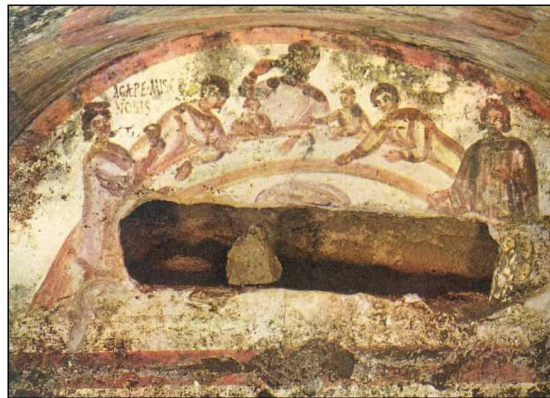
«Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать», — так начинается сегодняшнее апостольское чтение. Кто эти «сильные», к которым обращается Апостол Павел? Почему он причисляет себя к ним? Кто такие «бессильные»?

Апостол пишет христианам в Риме, где существовали две группы христиан, которые практически почти не общались друг с другом. «Сильными» Апостол называет тех христиан, — к ним он причисляет и себя, — которые сильны, разумеется, не собственной силой, но силою Божией. Это те верующие, которые обрели свободу от Закона Моисея, ту свободу в благодати, которая дается Воскресшим Господом. И они живут в этой свободе. Называя их «сильными», Апостол отличает их от «бессильных», «немощных в вере» христиан (Рим 14,1), которые все еще не в состоянии отрешиться от власти ветхого Закона и продолжают жить по правилам иудейского благочестия. Они различают чистое и нечистое: это есть можно, то нельзя; до этого дотрагиваться можно, до того нельзя; это оскверняет, то не оскверняет. В конкретном случае Апостол пишет о якобы чистой и нечистой пище. «Иной, — пишет он, — уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи» (Рим 14,2). Дело в том, что мясная пища в античном языческом обществе поступала от жертвенных приношений языческим божествам, а следовательно, с точки зрения иудейского религиозного сознания, была нечистой.

«Пища, — как сказано у Апостола, — не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» (1 Кор 8,8). Так называемые «бессильные», о которых он пишет, так бы никогда не сказали. Они были уверены в том, что соблюдение диетических предписаний как таковое приближает нас к Богу. А несоблюдение оскверняет и удаляет от Бога. Господь же учит, что удаляет нас от Бога та скверна, которая гнездится в человеческом сердце, а не то, что лежит на тарелке или находится в желудке. Разумеется, пища здесь лишь пример, лишь частный случай религиозного поведения вообще.

Борьбу с такого рода благочестием начал еще Господь Иисус Христос, когда в ответ на упреки фарисеев, говорил: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Мф 15,11). Сейчас это понятно всем без особых дополнительных комментариев. Но в те далекие времена подобные заявления иудеям и многим христианам, перешедшим из иудейства, казались странными и неприемлемыми. Не внешнего благочестия, а внутреннего изменения сердца искал в людях Господь, а вслед за Ним Апостол Павел. Измениться же внутренне можно лишь при условии, если средоточием жизни для человека является Бог и единственной целью всех его жизненных стремлений — единение с Ним. Но как часто эта цель в людях подменяется другими целями, имеющими лишь религиозную видимость. При этом поведение человека может облекаться в благочестивые по видимости слова и жесты, к истинной вере никакого отношения не имеющие. Бога очень легко заменить всяческими кумирами. И часто такими кумирами становятся религиозные по внешности обряды и действия.

Во-первых, эти якобы религиозные действия могут превращаться в бессмысленную привычку, вырождаясь в некий «ритуальный тик». Примеры такого поведения на уровне чистого невроза мы нередко наблюдаем в храме, когда, скажем, люди часто и бессмысленно налагают на себя крестное знамение. Во-вторых, ритуалы могут осознаваться как некая жертва. Ведь известно, сколь длительны во времени наши православные службы, молитвенные правила и посты. Но Господь неодно-

кратно говорил, что никакие жертвы Ему не нужны: «Милости хочу, а не жертвы». В-третьих, выставляемое на вид благочестие может служить цели фарисейского тщеславия, стремления к похвале и одобрению. В-четвертых, посты и молитвы могут пониматься как способ выслужиться перед Богом и таким образом получить какую-то награду. — Как если бы человек мог иметь какие-то заслуги перед своим Создателем! — Наконец, в-пятых, люди частенько ходят на богослужения с единственной целью получить наслаждение от прекрасного ритуала, от хорового пения, от созерцания замечательных икон, пышной религиозной живописи и так далее. Но все перечисленное не имеет никакого отношения к Евангелию Христову.

Но, разумеется, не для обличения «бессильных» Апостол Павел написал римским христианам. Он был озабочен расколом, грозившим Церкви. «Сильные», чтобы не допустить такого, «должны сносить немощи бессильных». Это трудно, ибо опыт свидетельствует, что фанатически настроенные «бессильные», нетерпимые приверженцы строгих правил и ритуалов, деления людей на чистых и нечистых, бывают довольно агрессивными. Но Апостол настаивает на терпимости по отношению к таковым. Это действительно трудно, и подчас достижение единства — не в силах людей. Посему Апостол прибегает к молитве, взывая к Богу терпения и утешения, дабы Он даровал христианам единомыслие. И в этом великий апостольский урок нам, живущим в христианской среде, раздираемой противоречиями и нетерпимостью. Да даст нам Господь Свое терпение, а вместе с ним и утешение, и силу, которая будет прославлять Его в нашей немощи.

Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев)

ГОВОРIT ЛИ ВЕТХИЙ ЗАВЕТ О ХРИСТЕ?

Новый Завет, как известно, говорит прежде всего об Иисусе Христе. При этом новозаветные авторы постоянно утверждают, что во Христе исполнились ветхозаветные пророчества. Но где именно в Ветхом Завете говорится о Христе, да и откуда мы знаем, что это сказано о Нем – ведь имя напрямую не названо?

РАСПИСАНИЕ ИЛИ ЗНАК?

В Евангелии от Луки есть одно удивительное место (24:13–32). Два ученика Христа, уже после Его смерти и воскресения, возвращаются домой из Иерусалима, беседуя обо всех происшедших событиях. Они уже слышали весть о Воскресении, но не могли поверить ей. Наконец, они встретили Самого Христа – но сначала Его не узнали, и Ему пришлось подробно раскрыть им смысл ветхозаветных пророчеств о страдающем Мессии, то есть о Нем Самом. И только потом, когда они остановились на ночлег и незнакомый Странник преломил с ними хлеб, они узнали в нем Учителя.

А ведь это были те самые люди, которые следовали за Ним во время Его земной жизни, слушали Его проповеди, жаждали установления Его Царства. Они наверняка много раз читали соответствующие места Писания – и тем не менее, они не могли связать одно с другим, распознать в происходивших событиях исполнение пророчеств. Как же так получилось?

Прежде всего, надо признать: в Ветхом Завете мы не находим таких строк, которые выглядели бы математически точными доказательствами правоты Нового Завета. Пророк Исайя или царь Давид никогда не говорили: «В таком-то году в городе Вифлееме родится сын Иисус у девы Мария, Он сотворит много чудес, а потом будет распят у стен Иерусалима и на третий день воскреснет».

Но разве было бы хорошо, если бы они так сказали? Тогда у людей не осталось бы свободы выбора; к примеру, мы можем узнать из календаря, в какой момент сегодня или завтра зайдет солнце – но к вере эти факты не имеют ни малейшего отношения, именно потому, что они факты. Вера предполагает выбор: ты можешь принять слова пророка, а можешь их отвергнуть.

Именно поэтому далеко не все видят в Ветхом Завете пророчества о Христе. Во времена евангелистов именно этот вопрос разделил еврейский народ: одни увидели в Писании, которое они знали (Новый Завет ведь еще не был написан) подтверждение всему тому, чему учили их последователи Иисуса из Назарета, и стали христианами. Другие решили, что Он тут не при чем – именно такое восприятие до сих пор отделяет иудаизм от христианства.

Что же это за пророчества, в которых можно увидеть, а можно и не увидеть Христа? В книге К.С. Льюиса «Серебряное кресло» (из цикла о Нарнии) есть точный образ: лев Аслан, отправляя двоих

ребят в опасное путешествие, сообщает им о знаках, которые помогут им в пути. Но он не дает им точной карты. Если коротко перефразировать, он говорит так: «На одном из камней в этом разрушенном городе вы увидите надпись. Поступите согласно ее повелениям». И при этом он добавляет: «Знаки, которые ты увидишь в Нарнии, будут не совсем такими, как ты представляешь. Вот почему так важно помнить знаки наизусть, не обращать внимания на их внешнюю оболочку». Действительно, надпись в разрушенном городе оказывается такой огромной, что прочесть ее можно только с высоты, а ребята, утомленные дорогой, забывают о знаках, не пытаются соотнести их с тем, что видят вокруг себя, и потому не могут их распознать вовремя – и путь их становится куда более длинным и опасным.

И еще одна интересная деталь. Та надпись содержала всего два слова: «... подо мной», – это был остаток эпитафии древнего царя. Казалось бы, для путешественников эти слова не имели никакого смысла – но на самом деле под ней был вход в подземелье, где и находился принц, которого они искали. Тот, кто составлял текст надписи, наверняка не догадывался, что она будет иметь второй, сокровенный смысл – но для Бога нет ничего случайного, и новый смысл, знак для путешественников Аслана, оставался сокрытым до тех пор, пока они сами его не раскрыли.

Итак, находим ли мы в Ветхом Завете подобные знаки?

В ОЖИДАНИИ МЕССИИ

Прежде всего, нужно понять, что пророчества о Христе в Ветхом Завете – это не отдельные стихи или главы, а скорее идеи, которыми пропитано Писание. Например, представление об искупительной жертве, кровь которой смывает грех с человека (об этом мы поговорим в следующей главе). Другая центральная идея Ветхого Завета – представление о Боге как о единственном истинном Царе Израиля, Который однажды станет править Своим народом зримым образом, и подчинит Себе при этом весь мир.

Торжественный возглас «Господь воцарился» звучит и в псалмах, и в проро-

ческих книгах, и он относится именно к этому времени.

Однако Господь в Ветхом Завете невидим и недоступен для человека – как же Он может взойти на царский престол, поместиться во дворце? Разумеется, израильтяне понимали Его царствование не так материалистически. На физическом престоле, как ожидали они, воссядет избранный Господом царь. Поскольку символически это избрание избралася как помазание оливковым маслом, то и своего идеального царя израильтяне называли Помазанником; на еврейском это слово звучит как Машиах (отсюда русское Мессия), а на греческом как Христос.

«Ты ли Христос?» – спрашивали Иисуса на суде те, кто меньше всего был склонен увидеть в нем Христа (Лк 22:67). Примерно так же спрашивал Христа через своих учеников Иоанн Креститель: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» (Лк 7:19) Такое ощущение, что Мессию жители Палестины в I веке н.э. ожидали почти с тем же напряжением, с каким мы ждем незнакомого нам лично человека, с которым условились о встрече. Ну что же он запаздывает? Может быть, вот тот? Или этот? Подойти, спросить, что ли...

Откуда же они знали о приходе Мессии? Из Писания, которое сегодня мы называем Ветхим Заветом. Господь говорил Давиду о его потомке: «Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном» (2Цар 7:14). Конечно, в историческом плане это пророчество относится к Соломону, любимому сыну Давида, который и построил храм в Иерусалиме. Но земной царь есть лишь наместник Царя Небесного, и в идеале отношения между ними должны стать отношениями отца и сына. Кстати, именно из-за этих слов Господа израильтяне верили, что Мессия, как и вообще любой законный израильский царь, будет прямым потомком царя Давида. Поэтому и Матфей начинает свое Евангелие с родословия Иисуса, поэтому и те, кто Его принимал, именовали Его «сыном Давидовым».

А Псалтирь, носящая имя царя Давида, говорит о Боге и царе такими словами:

«Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» (Пс 109:1). Уже в евангельские времена этот стих понимался как описание отношений царя-Мессии (Христа) и Бога. Эту цитату приводил Сам Иисус, спрашивая фарисеев: как может Давид называть Мессию Господом, если Мессия – потомок Давида, его сын? Вопрос смутил их до такой степени, что они не просто не смогли на него ответить, но и впредь не задавали Иисусу каверзных вопросов (Мф 22:4–46).

В самом деле, здесь нам приоткрывается тайна, которая не до конца была ясна даже самым ближайшим ученикам Иисуса: Мессия, с одной стороны, происходит по плоти от Давида, а с другой

– неизмеримо больше его. То есть Он – человек, но вместе с тем Он и Бог. Наверное, конкретно-исторический смысл этого псалма, связанный с земными царями, не включал в себя столь сложного богословского элемента, но если бы речь шла только об историческом царе, к чему было бы включать этот гимн в состав Священного Писания? Нет, наверняка он имеет и более глубокое значение.

Много подобных мест Писания уже ко временам Нового Завета воспринимались евреями как мессианские пророчества, указывающие на грядущего праведного царя. Но каким будет этот царь?

ПОБЕДА ИЛИ СТРАДАНИЯ?

Разумеется, все хотят видеть своих царей победителями. Не сказано ли и в том самом псалме: «положу врагов Твоих в подножие ног Твоих?» (Пс 109:1). Нечто похожее мы встретим и у многих пророков: славный образ торжествующего царя, которому поклоняются и покоряются его бывшие враги.

Но у того же Исаяи мы встречаем и совсем другой образ: страдающего Мессию.

«Он вззошел пред Ним, как отрпыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стриженным его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис 53:2–7).

Как же так? Разве можно быть одновременно победителем и побежденным? Судьей и подсудимым? Прославленным и презренным? Ветхозаветные пророчества не открывают нам этой тайны полностью, они – те самые знаки, что оказываются не совсем такими, какими ты их себе представлял. Но их все же слишком много, и тот, кто ищет добросовестно, наверняка опознает хотя бы некоторые из них.

Евангельское повествование о Христе, по сути, начинается с провозглашения Его Мессией. Архангел Гавриил, возвещая Марии о рождении Иисуса, говорит, что Он «будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца» (Лк 1:33). Обратим внимание, что здесь с самого начала речь идет о Мессии-победителе, и значит, последующие страдания и даже смерть Христа вовсе не означали ни Его поражения, ни какого-то умаления Его Царства.

А дальше начинается множество деталей и подробностей; особенно много

внимания уделяет им евангелист Матфей. Значимой оказывается буквально каждая деталь, причем не только для евангелиста, но вообще для всех. Когда царь Ирод хочет выяснить, где родился новый Царь (причем сам Ирод понимает Его царство исключительно в политических терминах и видит в Нем угрозу собственному правлению), то его советники обращаются ни к чему иному, как к книге пророка Михея: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих 5:2). А когда Иосиф и Мария бегут в Египет и через несколько лет возвращаются домой, то евангелист приводит слова пророка Осии: «Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего» (Ос 11:1).

Кстати, между этими двумя пророчествами – немалая разница. Михей явно говорит о некоем правителе, его слова относятся к Мессии вполне однозначно. Но слова Осии в контексте его книги проще понять так: речь идет о самом народе Израиля, который был в египетском рабстве, но Господь вывел его оттуда. То есть некоторые из пророчеств, в Евангелии отнесенных ко Христу, изначально могли иметь иной исторический смысл. Это вполне нормально; более того, если Мессия – идеальный царь и идеальный израильтянин, то понятно, что некоторые события из его жизни будут так или иначе повторять события из жизни других царей и всего израильского народа.

Но особенно много пророчеств связано с Распятием и Воскресением Христа. Чуть ли не каждая деталь крестной смерти находит свое отражение в словах пророков и псалмопевцев. Это казнь, когда Христа прибили ко кресту, а Его одежду делили по жребию (Пс 21:16–19); и укус, который Ему дали пить на кресте (Пс 68:22); и гробница богатого человека, в которую положили Его мертвое тело (Ис 53:9). Это, наконец, рассказ о тридцати серебряных монетах, которые Иуда получил за свое предательство, а потом в ужасе от совершенного бросил их в Храме на пол, и на них купили землю горшечника (Зах 11:12–13).

Есть в Ветхом Завете и пророчества о Воскресении Христовом и о нашем всеобщем воскресении. Ведь еще задолго до рождения Мессии было написано: «Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление» (Пс 15:10). Наконец, есть в Ветхом Завете и некое подобие хронологии – таинственная книга Даниила. В ней говорится, что от восстановления Иерусалима до появления Мессии должно пройти «семь седмин и шестьдесят две седмины» (Дан 9:25). Правда, срок этот можно отсчитывать от разных событий, и пророчества Даниила трактуются разными толкователями очень по-разному, но издавна существовало и такое понимание: между восстановлением Храма после вавилонского плена и явлением Христа народу прошло шестьдесят девять седмин, или 483 года.

Впрочем, важнее всего тут не детали,

а скорее общий смысл множества мест Ветхого Завета, говорящих о страданиях и конечной победе праведника, и о пасхальной жертве, кровь которой спасает людей – ведь именно накануне Пасхи был распят Иисус. И у любого человека, как у тех самых путников из Евангелия от Луки, остается свобода принять или отвергнуть эту победу, заметить Христа или торопливо пройти мимо.

«ТЫ – ХРИСТОС, СЫН БОГА ЖИВОГО!»

Обратим внимание и на то, как в Евангелии люди узнают в Иисусе долгожданного Мессию, Христа. «Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф 16:13–17).

Иисус не провозглашает себя Мессией – Он задает открытый вопрос, и только после того, как Петр (другие, видимо, не смогли или не посмели это сформулировать) назвал Его полным мессианским титулом, Христос подтверждает его правоту и добавляет: человек не может сам додуматься до этого, ему эту тайну открывает Бог.

Но никак не умаляется свобода человека принять или отвергнуть эту тайну.

Пророчества, как мы уже выяснили, не имеют силы математических доказательств, и каждое из них можно объяснить случайным совпадением, а то и неточным переводом... Именно поэтому многие знатоки Ветхого Завета не видят в нем Христа. Собственно, такова позиция иудаизма: часть пророчеств иудеи относят к приходу Мессии, который, с их точки зрения, еще не состоялся, а часть – к кому-то или чему-то еще. Например, 53-ю главу Исаяи, о страданиях Мессии, они прилагают к народу Израиля в целом. А мусульмане, почитая Иисуса (Ису) как великого пророка, вовсе не считают Его Сыном Божьим, да и вообще мессианские идеи чужды исламу.

Более того, в иудаизме то и дело возникали люди, которые объявляли себя мессиями. Наиболее известен Сабатай (или Шабтай) Цви, живший в XVII веке в Османской империи и в конце концов принявший под угрозой смерти ислам (но даже это не смутило наиболее рьяных его последователей). Назывались и другие имена... Подобные идеи всегда использовались и в политической борьбе за власть, и в религиозных войнах за умы людей. Но если мы действительно знаем имя Того, Кто воцарился над всем миром, Кто принес нам исцеление от греха и смерти и Кто примиряет нас с Богом, то эти манипуляции нам не особенно важны, ведь самое главное нам уже открыто.

Андрей Десницкий

Расписание богослужений с 16 по 22 июля 2018 г.		
16 июля Понедельник	ПЕРЕНОСЕНИЕ МОЩЕЙ СВТ. ФИЛІППА, МИТР. МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ, ЧУДОТВОРЦА	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
17 июля Вторник	СТРАСТОТЁРПЦЕВ ЦАРЯ НИКОЛА́Я, ЦАРИЦЫ АЛЕКСА́НДРЫ, ЦАРЕВИЧА АЛЕКСІ́Я, ВЕЛИКИХ КНЯЖЕН О́ЛГИ, ТАТИА́НЫ, МА́РИИ И АНАСТАСІ́И	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
18 июля Среда	ОБРЕ́ТЕНИЕ ЧЕСТНЫ́Х МОЩЕ́Й ПРП. СЕ́РГИЯ, ИГУМЕНА РА́ДОНЕЖСКОГО	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
19 июля Четверг	ПРП. АФАНА́СИЯ АФО́НСКОГО	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
20 июля Пятница	Прпп. Фо́мы, иже в Ма́лѣи, и Ака́кия, иже в Ле́ствице	17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
21 июля Суббота	ЯВЛЕ́НИЕ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ВО ГРАДЕ КАЗАНИ	7:45 Молебен с акафистом 8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
22 июля Воскресенье	НЕДЕЛЯ 8-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ, СЩМЧ. ПАНКРА́ТИЯ, ЕП. ТАВРОМЕНІ́ЙСКОГО	7:45 Молебен с акафистом 8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

СТОЯНИЕ И ШЕСТВИЕ ВПЕРЕД В ХРИСТИАНСТВЕ

Есть люди, которые, не умея согласить неподвижность в христианстве с обязательным для христиан стремлением вперед, впадают в ошибку, пагубную для них и опасную для других. Вместо того, чтобы в стремлении вперед обновлять себя по образцу христианства, они хотят поновлять христианство по своим прихотям, не себя ему подчиняя, а его к себе принаравливая. Оставаясь тем же, чем есть, они воображают, будто идут вперед и других заманивают идти так же, посредством разных отмен и изменений в христианских порядках и в законах Церкви Божией. Порядок требует, чтоб устройство нас, заповедуемое христианством, оставалось неизменным, чтобы и мы подходили к нему, обновляясь и изменяясь в себе самих по образцу его, а они не себя хотят изменять, а христианство, и тем портят все дело, подрывая всякую возможность к действительному нашему совершенствованию.

Христианство, предлагая нам образец великого совершенства, подает и все потребные к тому средства. Оно есть лестница, возводящая на небо, путь, ведущий в живот, врачевство, исцеляющее все немощи и несовершенства наши. Эта лестница уже утверждена и многих возвела на небо, не перестраивать ее нужно, а восходить по ней. Этот путь уже испытан; он прост, виден для всех и верен. Для какой же надобности тратить время и труды на проложение нового пути или на исправление по-своему уже проложенного?

Пролагая новый путь, можно по близорукости направить его в пагубу, а переделывая, только испортить и наделать рытвин и перекопов. Идти надо по указанному пути, а не вопить без смысла: «Не лучше ли сюда пройти, не лучше ли туда», праздно вперив очи неведь куда или без толку бегая взад и вперед. Врачевство христианства перед целым светом доказало и доказывает свою целительность на всех, кто пользуется им без всякого суетного умишания; было бы непростительной ошибкой покушаться исключить из целительных его составов либо то, либо другое, либо третье. Рецепт этот составлен на небе и готовится из небесных веществ. Покушаясь поправить его, земнородные самонадеянно берут на себя дело, совершенно превышающее их силы и пагубное для них. Не исправлять лекарство, а пользоваться надо им в простоте веры, чтобы оздоровиться его целительной силою. Понятно, кажется, что значит в христианстве стоять и идти вперед. Содержите христианство все, как оно есть и как оно хранится в Церкви Христовой, и твердо стойте в нем, не покушаясь ни изменять, ни поправлять что-либо; совершенствуйте непрестанно самих себя по образцу его, всячески стараясь достигнуть той меры, какую оно всем указывает, целясь его целительностью, стремясь, куда оно ведет, и неленостно восходя, куда оно возводит.

Но при этом надобно опасаться другого уклонения от правды, не менее пагубного. Иные погрешают насчет того, как должно стоять в христианстве, пребывая в нем неподвижным. По заблуждению, они включают в область неизменного

устройства нашего спасения и то, что произошло в благочестивую жизнь христиан или по потребностям времени, или по ненамеренным ошибкам, или, наконец, по намеренному злоупотреблению, не замеченному и не предотвращенному в свое время. Такие люди походят на тех, которые, находясь при дороге прямой и истинной, запутались в прилипчивую траву и вертятся на одном месте, воображая, что делают важное для себя и для других дело, и тягость ненужных уз и сопряженных с тем неприятностей считая ценными в очах Божиих подвигами веры и благочестия. Эти люди только образ благочестия имеют, силы же его отвергаются; это «облаки безводни, от ветр преносими» (2Пет.2:17), хоть издали и кажутся несущими благотворное орошение. Заграждая самим себе путь, сами себя томя голодом и жаждою, изобретая непитающую пищу и ненапоющую воду в виду истинного Дома Премудрости, в котором уготована обильная трапеза, предлагающая истинное брашно и истинное питье, они лишают себя чрез то истинно животворных сил и питательных соков — стоят и чахнут.